

Александр Широкоград

АДМИРАЛЫ И КОРСАРЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

ОТ РУСИ К ИМПЕРИИ

Александр Борисович Широкоград

Адмиралы и корсары Екатерины Великой

Серия «От Руси к империи»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653709

Адмиралы и корсары Екатерины Великой: Вече; Москва; 2013

ISBN 978-5-4444-1460-6, 978-5-4444-8233-9

Аннотация

[<p id="__GoBack">](#)Царствование Екатерины Великой справедливо считается звездным часом флота российского. Дерзновенный план императрицы «запалить османов с четырех концов» был реализован графом Орловым. Турецкий флот взлетел на воздух в Чесменском сражении. Но выигранное сражение – лишь предпосылка к успеху. Установить же контроль над Восточным Средиземноморьем Орлову помогли десятки греческих пиратских судов, поднявших Андреевский флаг. Почти пять лет в Эгейском море существовало пиратское государство, или русская губерния – называйте как хотите. Жители десятков греческих островов присягнули Екатерине II. В островной губернии была своя столица, армия, флот, Адмиралтейство и даже русско-греческие гимназии. Русским адмиралам и матросам, греческим корсарам и казакам-

запорожцам, вернувшем империи Русское море, посвящена эта книга.

Содержание

Раздел I. Русско-турецкая война 1768–1774 гг.	6
Глава 1. Начало...	6
Глава 2. Корона для Стася	11
Глава 3. Султан Мустафа объявляет джихад	43
Глава 4. Русская дипломатия в 1764–1769 гг.	56
Глава 5. «Подпалить османов с четырех концов»	62
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Широкоград

Адмиралы и корсары

Екатерины Великой

© Широкоград А.Б., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

Раздел I. Русско-турецкая война 1768–1774 гг.

Глава 1. Начало...

6 июля 1762 г., полдень. К Зимнему дворцу прискакал гонец на взмыленной лошади. Нарушая все правила этикета, во внутренние покои императрицы ворвался рослый красавец вахмистр конной гвардии Григорий Потемкин. Тяжело дыша и запинаясь, он произнес: «Из Ропши от Орлова, Вашему Величеству...» Екатерина молча разорвала пакет и прочла: «Матушка, милосердная государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на государя! Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором [Барятинским]. Не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил.

Прогревали тебя и погубили души навек».

Наконец-то Екатерина избавилась от ненавистного мужа, который и в заточении был самым опасным ее конкурентом.

На следующий день, 7 июля, был опубликован манифест. В нем сообщалось, что «бывший император Петр III обыкновенным, прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим впал в пружестокую колику». Далее в манифесте говорилось, что больному было отправлено все необходимое для лечения и выздоровления, «но, к крайнему нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего вечера получили мы другое, что он волею Всевышнего Бога скончался».

Теперь дело оставалось за русской «Железной маской» – безымянным узником Шлиссельбургской крепости. И вот 5 июля 1764 г. подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Минович поднимает по тревоге 45 солдат своего полка и ведет их на штурм рavelина, где томился Иван Антонович (1740–1764, годы правления 1740–1741). Тюремщики «Железной маски» капитаны Власьев и Чекин закололи шпагами арестанта. Минович, увидев труп бывшего императора, добровольно сложил оружие.

Такова официальная версия «шлиссельбургской нелепы», как называла этот инцидент Екатерина. Подпоручик, причем не гвардеец, в одиночку попытался устроить государственный переворот. Правда, Минович на допросе назвал еще одного соучастника – поручика Великолуцкого пехотного пол-

ка Аполлона Ушакова. Но сей Аполлон, как назло, утонул 25 мая 1764 г. при переправе через реку. И бравый подпоручик решил свергнуть Екатерину один.

Следствие по делу Мировича вел чрезвычайный суд, составленный из членов Сената и Синода, к которым были присоединены ряд высших сановников империи. Некоторые члены суда требовали пытать Мировича, особенно на этом настаивало духовенство. Но доверенное лицо императрицы генерал-прокурор князь А. А. Вяземский категорически запретил это делать.

С точки зрения здравого смысла могло быть два варианта: или Мирович страдал психическим заболеванием, или он лишь исполнитель воли влиятельных заговорщиков. Но Екатерина поспешила спрятать концы в воду. Столь важный суд не стал допытываться о сообщниках, а самому подпоручику 15 сентября 1764 г. отрубили голову на Обжорном рынке в Петербурге. Обратим внимание: на следствие и суд ушло всего 7 недель, что весьма странно для тогдашнего отечественного суда, да еще при столь важном государственном преступлении. Власьев и Чекин, получившие по 7 тысяч рублей вознаграждения, были отставлены от службы с сохранением жалованья и дали подписку под страхом смерти молчать «об известном событии» и не показываться в столицах.

Теперь остался один конкурент – сын. Но ему было всего 10 лет, то есть 6 лет оставалось в запасе.

Сразу же после переворота императрица начала награж-

дать своих сторонников. Так, Григорий Орлов был произведен в камергеры, его брат Алексей стал генерал-майором, а младший брат Федор – капитаном Семеновского полка. Каждый из братьев получил по 800 душ крепостных. Лакей Теплов получил 20 тыс. рублей; князь Федор Барятинский – 24 тыс. рублей и чин камер-юнкера; гетман Кирилл Разумовский, Никита Иванович Панин и князь Михаил Никитич Волконский получили пожизненные пенсии по 5 тыс. рублей в год. Среди награжденных были еще десятки офицеров, чиновников и даже купцов.

Екатерина поспешила вернуть двоих опальных прежнего царствования – бывшего канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина и бывшего генерал-прокурора князя Якова Петровича Шаховского.

Награждение участников переворота и возвращение прежних опальных сановников – дело житейское для русского двора: так, к примеру, поступила в 1741 г. и Елизавета Петровна. Но в отличие от нее при Екатерине за переворотом не последовало репрессий. Не только на эшафот, даже в Сибирь никто не отправился.

После смерти Петра III были немедленно освобождены из-под ареста несколько близких ему людей: граф Гудович, Мельгунов и др. Мало того, любимец Петра III Михаил Илларионович Воронцов был оставлен Екатериной в должности канцлера.

Фельдмаршал Миних, давший несколько дельных советов

Петру III, как бороться с деятельностью Екатерины, был назначен ею генерал-директором над портами Балтийский и Нарва, над Ладожским каналом и над Волховскими порогами. Миних был не только опытным полководцем, но и талантливейшим инженером и организатором, и с честью выполнил все возложенные на него функции.

Награждая друзей и милуя врагов, Екатерина первой из русских властителей устроила хитрую и сложную систему управления, которую в самом конце XX века назовут системой сдержек и противовесов.

Но все это были меры временные, а чтобы обосноваться на престоле всерьез и надолго, Екатерине нужна была национальная идея.

Глава 2. Корона для Стася

Екатерина прекрасно осознавала шаткость своего положения на троне. Фраза «к власти можно прийти на штыках, но сидеть на штыках нельзя» будет произнесена Первым консулом лишь спустя 37 лет, но Екатерина думала именно так. Не будучи легитимным монархом, на престоле можно удержаться, лишь захватив страну какой-либо идеей, ведя войны и внутренние реформы. Споры нет, Екатерина провела реформ в России больше, чем любой из царей, за исключением Петра Великого. Но реформы – дело длительное, а в России они часто буксуют или вообще дают эффект, противоположный задуманному. Так что Екатерине срочно была нужна «победоносная война», но, увы, страна к войне готова не была.

Однако Екатерине не пришлось долго ломать голову над этой проблемой. События в Речи Посполитой бросили вызов ей и всей Российской империи. Был бы на ее месте даже Петр III, и ему все равно пришлось бы воевать, поскольку затрагивались жизненные интересы страны.

К великому сожалению, среди нашей интеллигенции, увы, плохо разбирающейся в отечественной истории, бытует мнение, что де Екатерина вела агрессивную политику по отношению к Польше, что привело к трем ее разделам и окончательной гибели Речи Посполитой.

Польские и западноевропейские историки уже два с половиной века с удовольствием ищут виноватых в разделе Речи Посполитой. В числе «злодеев» оказались Богдан Хмельницкий, монархи Пруссии, Австрии, России и другие, вплоть до... Молотова и Риббентропа. Когда так много виноватых, поневоле задумаешься и о жертве.

На самом деле деградация Польского государства началась еще в XV веке, а в XVII веке Речь Посполитую можно считать государством с очень большой натяжкой. Сильный пан мог отнять у более слабого соседа землю, хлопков, любимую женщину и при этом он плевать хотел на королевскую власть. Говоря современным языком, паны жили не по законам, а «по понятиям».

Крупные магнаты прекрасно знали французский язык и литературу, их жены и дочери одевались по последней парижской моде, но это не мешало «его светлости» по своей прихоти устроить виновному или невинному человеку квалифицированную казнь, от которой содрогнулись бы и отцы-инквизиторы, и Малюта Скуратов. Замечу, что в России в царствование Елизаветы Петровны не было приведено в исполнение ни одного смертного приговора.

В Речи Посполитой королевская власть была выборной, а не передавалась по наследству, как в других монархиях. Формально короля выбирал польский сейм, но постепенно на выбор его все больше и больше стали влиять соседние державы. Вот, к примеру, в 1696 г. умер польский король

Ян III Собеский, и в следующем 1697 г. польский сейм избрал королем 27-летнего саксонского курфюрста Фридриха Августа I (Альбертинская линия династии Веттинов). Его соперниками были французский принц Людовик Конти (двоюродный брат французского короля Людовика XIV) и Яков Собеский (сын умершего короля Яна Собеского). Однако поддержка России, Австрии и папы римского помогла Фридриху Августу I стать польским королем Августом II. При этом новый король остался и саксонским курфюрстом.

В начале Северной войны шведский король Карл XII овладел всей Курляндией и северной Польшей. 14 мая 1702 г. Карл XII вошел в Варшаву, а король Август II бежал в Краков. Вскоре Карл посадил на польский престол познаньского воеводу Станислава Лещинского. Шведы заставили Августа II в 1706 г. отречься от польского престола. За это Карл XII позволил ему остаться саксонским курфюрстом, что для Августа было куда важнее.

Полтавское сражение резко изменило ситуацию, и Август вновь объявил себя королем Польши. Два года в Польше опять было два короля, но в 1711 г. Станислав Лещинский отказался от короны и бежал во Францию, где в 1725 г. стал зятем Людовика XV.

В январе 1733 г. король Август II приехал на сейм в Варшаву, где и скончался 1 (11) февраля. С помощью Франции Станислав Лещинский вновь попытался овладеть польской короной, но в Польшу были введены русские войска, и 25

декабря 1734 г. в Кракове состоялась коронация Августа III, сына Августа II. Станислав Лещинский уехал из Кенигсберга во Францию и больше не возвращался в Польшу.

Значение королевской власти при Августе II и Августе III еще больше упало. И отцу, и сыну куда милей была тихая Саксония, чем буйные паны. Оттуда и «правили» Речью Посполитой оба короля.

Роль сеймов в управлении страной тоже была невелика. Во-первых, не было сильной исполнительной власти, способной реализовывать решения сеймов. Во-вторых, принцип единогласия при принятии решений – *liberum veto* – приводил к блокированию большинства предложений и прекращению деятельности сеймов. Так, с 1652 по 1764 г. из 55 сеймов было сорвано 48, причем одна треть из них – голосом всего одного депутата. Финансовое положение королевства хорошо характеризует факт прекращения в 1688 г. чеканки польской монеты.

Единство страны сильно подрывало фанатичное католическое духовенство, требовавшее все новых ограничений в правах православных и протестантов.

Панский гнет и религиозные преследования приводили к восстаниям на Украине.

В начале XVII века резко ослабла военная мощь Польши по сравнению с Россией и германскими государствами. Существенно возросла эффективность ружейного и артиллерийского огня, коренным образом изменив тактику боя. Ре-

шающую роль в сражении стала играть пехота, оснащенная ружьями со штыками, и полевая артиллерия. Польская конница, несмотря на отличную индивидуальную подготовку каждого кавалериста, его храбрость и лихость, оказалась не способной противодействовать регулярным войскам Пруссии и России.

Политическая и военная слабость Речи Посполитой привела к тому, что ее территория в XVIII веке стала буквально «проходным двором» для армий соседних государств. Я уж не говорю, что в течение двадцати лет Северной войны на территории Польши действовали армии России и Швеции. В ходе Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. русские, турецкие и татарские войска воевали в южных районах Речи Посполитой, а в ходе Семилетней войны с 1757 по 1761 г. русские и прусские войска действовали в северной Польше. В промежутках же между войнами крымские татары регулярно проходили по территории южной Польши и зачастую оттуда переходили на русскую территорию.

Надо ли говорить, что не только в XVIII веке, но и в XXI веке ни одно государство не захочет терпеть такого соседа и будет пытаться как-то изменить ситуацию.

Помимо вышесказанного у России накопилось и много мелких претензий к Речи Посполитой. Так, к примеру, в 1753 г. по результатам рекогносцировки местности, проведенной инженер-полковником де Боскетом, выяснилось, что вопреки Вечному миру 1686 г. 988 квадратных верст

российских земель незаконно оставались в польском владении, в том числе территории, приписанные к Стародубскому, Черниговскому и Киевскому украинским полкам. Вследствие непрерывных междоусобных споров русско-польская граница была укреплена только от «Смоленской губернии до Киева», на всем же остальном протяжении она оставалась практически открытой. Пользуясь этим, поляки самовольно населили десять городов Правобережной Украины, признанных по договору 1686 г. спорными и поэтому не подлежащими заселению.

Кстати, польский сейм до 1764 г. отказывался ратифицировать Вечный мир 1686 г. Речь Посполитая была последней из европейских стран, не признававшей за Россией императорского титула.

Серьезной проблемой, омрачавшей отношения между обоими государствами, было бегство сотен тысяч русских людей из России в пределы Речи Посполитой. Так, только в районах западнее Смоленска находилось около 120 тысяч (считались только мужчины) беглых русских крестьян. В Польшу бежали и тысячи дезертиров из русской армии.

Некоторые читатели могут попытаться поймать автора на противоречии: только что он писал о панском гнете, а сейчас – о массовом бегстве крестьян в Речь Посполитую. На самом деле тут нет никакого противоречия. Во-первых, я никогда не говорил, что русские помещики – ангелы (вспомним ту же Салтычиху). А во-вторых, польские магнаты дифферен-

цированно относились к своим старым хлопам и к беглым москалям. Был ли смысл богатому пану отправлять пахать беглых русских драгун? Куда выгоднее зачислить их в свою частную армию. Были и случаи, когда паны выдавали своих дочерей за беглых москалей и делали им «липовые» дворянские грамоты. В приграничных с Россией землях поселились тысячи разбойников, совершавшие рейды через кордон, а потом делившиеся награбленным с панами. «Из тех беглых людей воры, которым поляки у себя пристани дают, собираясь партиями, приходят из-за границы в Россию и делают разбои, грабительства и смертные убийства, а потом обратно за границу уходят и с разграбленными пожитками дорываются тамо»¹.

Оценивая в целом политику русских правителей на Западе, можно выделить две основные тенденции. Начиная с Ивана III, и до Бориса Годунова господствовала тенденция объединения под властью Москвы всех русских земель, входивших в состав Киевского государства. Смута 1603–1618 гг. прервала этот процесс. Царь Михаил решил вернуть лишь земли, отнятые поляками во время Смуты, и то потерпел позорное поражение под Смоленском. Царь Алексей Михайлович очень долго заставлял себя просить вмешаться в малороссийские дела.

А вот Петр I забыл о русских землях в Речи Посполитой. В

¹ Выдержка из «Всепоподданнейшего мнения Коллегии иностранных дел от 3 февраля 1762 г.».

ходе Северной войны Польша находилась в таком плачевном состоянии, что для возвращения Правобережной Украины не потребовалось бы ни одного русского солдата, дело бы за несколько недель сделали казаки Левобережной Украины.

Петра обуюла мечта «ногою твердой встать»... в Германии. Ради этого он покровительствовал немецким баронам в Эстляндии². Ради этого он организовал серию династических браков с правителями германских государств. Замечу, что все последующие цари, кроме Александра III, женились на немках.

Анну Иоанновну и Елизавету Петровну тоже германские дела занимали куда больше, чем дела Малой и Белой Руси. Не зря же Елизавета зимой 1758 г. приказала привести в русское подданство население Восточной Пруссии.

И лишь Екатерина II (1729–1796, годы правления 1762–1796) поняла бесперспективность русского вмешательства в германские дела и обратила свои взоры к Польше. Екатерина отказалась за своего сына Павла от наследственных прав в Голштинии. Мудрая царица, будучи этнической немкой, постепенно стала очищать государственный аппарат от засилья немцев, заменяя их русскими, в крайнем случае, англичанами, французами и представителями иных наций. Ни один из многочисленных германских родственников Екатерины не получил ответственной должности в России. Среди

² Подробнее см. *Широкоград А. Б.* Северные войны России. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001.

нескольких десятков любовников Екатерины нет ни одного немца. Когда говорят о возбуждении национальной розни, то следует различать вражду ко всем представителям конкретной нации без разбора и вражду к национальной мафии, захватившей наиболее важные посты в государстве и ущемляющей интересы коренного населения. Анна Иоанновна была на сто процентов русской, но она поддерживала немецкую мафию, зато за спиной немки Екатерины в Петербурге не было немецкой мафии, равно как и у корсиканца Наполеона не было в Париже корсиканской мафии³, а у грузина Джугашвили не было грузинской мафии.

Удел великих людей – правильно оценивать национальный вопрос. Джугашвили понял, что такое Грузия и что такое Россия, и в 33 года сменил грузинский псевдоним Коба на русский – Сталин. Наполине Буона Парте в 22 года понял разницу между Корсикой и Францией и стал Наполеоном Бонапартом. Ангальт-Цербстская принцесса Фике в 15 лет осознала разницу между ее княжеством и Россией.

Но вернемся к ситуации в Польше. В конце 1750-х гг. король Август III стал хворать, и польские магнаты загодя начали думать о его преемнике. Естественно, что сам король мечтал передать свой трон сыну – курфюрсту Саксонскому, так сказать, сохранить традицию. Во главе саксонской пар-

³ Разумеется, братья и сестры императора стали принцами и принцессами императорской крови, но они не играли самостоятельной роли. В окружении же Наполеона не было ни одного корсиканца. Даже самого близкого друга Саличетти он отправил в Италию префектом полиции.

тии были премьер-министр Бриль и его зять великий маршал коронный граф Мнишек, а также могущественный клан магнатов Потоцких.

Против них выступал клан князей Чарторыхских⁴. Этот многочисленный клан в Польше стали называть Фамилией еще в 20—30-х гг. XVIII века. Чарторыхские, по польской версии, происходили от сына великого князя Ольгерда Любарта, а по русской – от другого сына Ольгерда черниговского князя Константина. Прозвище свое они получили от имени Чарторыхск на реке Стырь на Волыни. Первые пять поколений Чарторыхских были православными, но князь Юрий Иванович, по одним данным, в 1622 г., а по другим – в 1638 г., перешел в католичество.

Чарторыхские предлагали осуществить ряд реформ в Польше, причем главной из них должен был стать переход всей полноты власти к Фамилии. Они утверждали, что новым королем должен быть только Пяст. Утверждение это было сплошной демагогией. Законные потомки королевской династии Пястов вымерли несколько столетий назад, а те же члены Фамилии никакого отношения к Пястам не имели. Однако в Петербурге делали вид, что не разбираются в польской генеалогии, и называли Пястом любого лояльного к России магната. Между прочим, и матушка Екатерина II по женской линии происходила от Пястов. Ее дальний предок германский князь Бернхард III был женат на Юдите, дочери

⁴ В некоторых источниках их называют Чарторыхскими или Чарторижскими.

краковского князя Мешко III Старого, умершего в 1202 г.

К Чарторыским примкнул и Станислав Понятовский (1676–1762) – воевода Мазовецкий и каштелян Краковский.

Стась Понятовский, как и подавляющее большинство польских магнатов, не имел ни моральных принципов, ни политических убеждений, а действовал исключительно по соображениям собственной выгоды. Ради корысти он в начале века примкнул к королю Лещинскому и даже участвовал в Полтавском сражении, естественно, на стороне шведов. Затем Понятовский бежал вместе со шведским королем в Турцию, где они оба подстрекали султана к войне с Россией. Убедившись, что дело Лещинского проиграно, Понятовский поехал мириться с королем Августом II.

Последующей удачной карьере хорошо способствовала женитьба Станислава Понятовского на дочери Казимира Чарторыского – литовского подканцлера и каштеляна Виленского. Сразу после смерти короля Августа II Стась попытался было пролезть в короли. По сему поводу русский посол в Варшаве Левенвольде отписал в Петербург: «...избрание королем Станислава Понятовского опаснее для России, чем избрание Лещинского».

Вскоре Понятовский сообразил, что королем ему не бывать, но удержаться от активной политической игры не смог, да и в придачу «поставил не на ту лошадь». В итоге Понятовский оказался в осажденном русскими Данциге вместе со своим давним приятелем Лещинским.

После утверждения Августа III на престоле Станислав Понятовский примкнул к «русской партии», возглавляемой Фамелией. В 1732 г. у Станислава Понятовского родился сын, также названный Станиславом. Станислав Младший, будучи наполовину Понятовским, а наполовину Чарторыским, быстро делал карьеру и еще подростком получил чин «литовского стольника».

Большую часть времени Станислав Младший проводил не в Польше, а в столице Саксонии Дрездене при дворе короля Августа III. Там юный плеябой приглянулся сэру Генбюри Вильямсу – английскому послу при саксонском дворе. В 1755 г. Вильямса назначают английским послом в Петербурге, и он берет с собой двадцатитрехлетнего Станислава.

Вот как польский историк Казимир Валишевский характеризует новую звезду, появившуюся на петербургском небосклоне: «У него было приятное лицо... он был *gentilhomme* в полном смысле этого слова, как его понимали в то время: образование его было разностороннее, привычки утонченные, воспитание космополитическое, с тонким налетом философии... Он олицетворял собой ту умственную культуру и светский лоск, к которым она [Екатерина II. – *А.Ш.*] одно время пристрастилась, благодаря чтению Вольтера и мадам де Севинье. Он путешествовал и принадлежал в Париже к высокому обществу, блеском и очарованием своим импонировавшему всей Европе, как и королевский престиж, на который еще никто не посягал в то время. Он как бы при-

нес с собой непосредственную струю этой атмосферы и обладал как качествами, так и недостатками ее. Он умел вести искристый разговор о самых отвлеченных материях и искусно подойти к самым щекотливым темам. Он мастерски писал записочки и умел ловко вернуть мадригал в банальный разговор. Он обладал искусством вовремя умилиться. Он был чувствителен. Он выставлял напоказ романтическое направление мыслей, при случае придавая ему героическую и смелую окраску и скрывая под цветами сухую и холодную натуру, невозмутимый эгоизм, даже неисчерпаемый запас цинизма»⁵.

Зная характер Елизаветы Петровны, Генбюри Вильямс не пропускал ни одного бала и ни одного маскарада. Однако все его попытки получить какое-либо влияние на императрицу были бесплодны. Как писал тот же Валишевский: «Его искательство перед Елизаветой было ей, по-видимому, очень приятно, но политически оказалось совершенно бесплодным. Когда он пытался стать на твердую почву переговоров, государыня уклонилась. Он тщетно искал императрицу, но находил лишь очаровательную танцовщицу минуэта, а иногда и вакханку. Через несколько месяцев он пришел к убеждению, то с Елизаветой нельзя говорить серьезно, и стал оглядываться кругом. Разочаровавшись в настоящем, он подумал о будущем. Будущее – это молодой двор.

Но опять-таки он наткнулся на фигуру будущего импера-

⁵ Валишевский К. Роман императрицы. М.: Квадрат, 1994. С. 70.

тора и, обладая ясным взглядом людей своей расы, с первого же раза решил, что он и тут лишь потеряет время. Его взоры остановились наконец на Екатерине... Вильямс подметил знаменательные шаги в сторону великой княгини, подземные ходы, приводившие к ней. Он быстро решил. Осведомленный придворными слухами о любовных приключениях, в которых фигурировали красавец Салтыков и красавец Чернышев, сам довольно предприимчивый, Вильямс попытался было пойти по этим романическим следам.

Екатерина приняла его очень любезно, говорил с ним обо всем, даже о серьезных предметах, которые Елизавета отказывалась обсуждать, но она смотрела в другую сторону»⁶. И тут-то Вильямс вспомнил о Понятовском.

Супруга наследника престола Екатерина была почти на три года старше Понятовского и уже родила сына Павла (согласно наиболее распространенной версии, от Сергея Салтыкова). И она первая проявила инициативу в отношениях со Стасем. Причем великой княгине удалось, как говорится, и рыбку съесть, и на... колени к Понятовскому сесть. А вот «рыбку» поставлял сэр Генбюри Вильямс. Общая стоимость всех «рыбок» неизвестна. Сохранились лишь две расписки, подписанные великой княгиней на общую сумму в 50 тысяч рублей, помеченные 21 июля и 11 ноября 1756 г. И заем 21 июля был, очевидно, не первый, так как, испрашивая его, Екатерина писала банкиру Вильямса: «Мне тяжело

⁶ *Валишевский К.* Роман императрицы. М.: Квадрат, 1994. С. 69.

опять обращаться к вам».

Позже Понятовский напишет о предмете своей любви: «...она недавно лишь оправилась после первых родов и находилась в том фазисе красоты, который является наивысшей точкой ее для женщин, вообще наделенных ею. Брюнетка, она была ослепительной белизны; брови у нее были черные и очень длинные; нос греческий, рот, как бы зовущий поцелуи, удивительной красоты руки и ноги, тонкая талия, рост скорей высокий, походка чрезвычайно легкая и в то же время благородная, приятные тембр голоса и смех такой же веселый, как и характер, позволявший ей с одинаковой легкостью переходить от самых шаловливых игр к таблице цифр, не пугавших ее ни своим содержанием, ни требуемым ими физическим трудом».

Надо полагать, что в антрактах между «шаловливыми играми» Стась и Като не переходили к игре в «крестики-нолики» или «морской бой». Таблица цифр – это цифровые коды, и цесаревна, как видим, совмещала функции Штирлица и Кэт, то есть сама собирала информацию и сама шифровала.

Сложные политические интриги заставили Вильямса в октябре 1757 г. покинуть Петербург, но Понятовский остался, и в Петербурге, и в постели цесаревны. Вскоре любовник потерял всякое чувство меры. В июле 1758 г. Понятовский стал посещать по ночам Екатерину в Ораниенбаумском дворце, несмотря на то, что в соседних покоях находился ее муж. Речь, разумеется, идет не о дворце Петра III, который

тогда еще строился, а о старом Большом дворце, построенном еще А. Д. Меншиковым. Великий князь Петр Федорович в то время был всецело поглощен страстью к Елизавете Воронцовой и был безразличен к делам Екатерины. Однако он был слишком озабочен собственной безопасностью и приказал расставить вокруг дворца конный караул.

Рано утром Понятовский при выходе из дворца был схвачен конным пикетом и доставлен к наследнику престола. Понятовский был переодет и отказался назвать себя. Петр Федорович подумал, что на него готовилось покушение, и решил допросить с пристрастием незнакомца. В конце концов Станиславу пришлось во всем признаться. Если верить позднейшим «Запискам» Понятовского, Петр расхохотался и сказал: «Не безумец ли ты, что ты до сих пор не доверился мне!» Он, смеясь, объяснил, что и не думает ревновать; меры предусмотрительности, принимаемые вокруг ораниенбаумского дворца, были лишь в видах обеспечения безопасности его особы. Тут Понятовский вспомнил, что он дипломат, и стал рассыпаться в комплиментах по адресу военных диспозиций его высочества, искусство которых он испытал на своей же шкуре. Хорошее настроение великого князя усилилось. «А теперь, – сказал он, – если мы друзья, здесь не хватает еще кого-то». «С этими словами, – рассказывает Понятовский в своих «Записках», – он идет в комнату своей жены, вытаскивает ее из постели, не дает ей времени одеть чулки и ботинки, позволяет только накинуть капот (*robe de Batavia*),

без юбки, в этом виде приводит ее к нам и говорит ей, указывая на меня: «Вот он; надеюсь, что теперь мною довольны»».

Веселая компания пропьянствовала до 4 часов утра. «Пирушка возобновилась на следующий день, и в течение нескольких недель это изумительное супружество вчетвером было бесконечно счастливо»⁷.

Понятовский писал в своих «Записках»: «Я часто бывал в Ораниенбауме, я приезжал вечером, поднимался по потайной лестнице, ведущей в комнату великой княгини; там были великий князь и его любовница; мы ужинали вместе, затем великий князь уводил свою любовницу и говорил нам: «Теперь, дети мои, я вам больше не нужен». – Я оставался, сколько хотел».

Однако вскоре разговоры об этих забавах поползли по столице. Елизавета сама была «шалуньей» и смотрела сквозь пальцы на проказы Екатерины, но это было слишком. Французский посол в Петербурге маркиз де Лопиталь начал открыто издеваться над Понятовским. Естественно, дело кончилось высылкой Стася из России.

После отъезда фаворита Екатерина вступила с ним в любовную переписку, хотя постель ее не пустовала.

Получив известие о перевороте в Петербурге, Понятовский засобирался к любимой. Но уже 2 июля 1762 г. Екатерина II пишет ему: «Убедительно прошу вас не спешить приездом сюда, потому что ваше пребывание при настоящих

⁷ *Валишевский К.* Роман императрицы. М.: Квадрат, 1994. С. 79.

обстоятельствах было бы опасно для вас и очень вредно для меня».

Ровно через месяц Екатерина отправляет второе письмо: «Я отправляю немедленно графа Кейзерлинга послом в Польшу, чтобы сделать вас королем, по кончине настоящего [короля] и в случае, если ему не удастся это по отношению к вам, я желаю, чтоб [королем] был князь Адам⁸. Все умы еще в брожении. Я вас прошу воздержаться от поездки сюда, из страха усилить его».

Наконец 27 апреля 1763 г. откровенность императрицы доходит до предела, и она пишет Понятовскому: «Итак, раз нужно говорить вполне откровенно и раз вы решили не понимать того, что я повторяю вам уже шесть месяцев, это то, что если вы явитесь сюда, вы рискуете, что убьют обоих нас».

Власть Екатерины действительно очень непрочна. Она боится и ревности Орловых, а еще больше – негативной реакции русского дворянства, не желающего видеть поляка, да и вообще иностранца, ни временщиком типа Бирона, ни тем более русским царем.

Тем временем Фамилия в Польше перешла в наступление, даже не дождавшись смерти короля Августа III. Была развернута широкая кампания против злоупотреблений «саксонских» министров и чиновников. Придворная партия в ответ пригрозила Чарторыским арестом. Узнав об этом, Екатерина 1 апреля 1763 г. послала приказание своему послу при

⁸ Имелся в виду князь Адам Казимеж Чарторыский (1734–1823).

польском дворе Кейзерлингу: «Разгласите, что если осмелятся схватить и отвези в Кёнигсштейн кого-нибудь из друзей России, то я населю Сибирь моими врагами и спущу Запорожских казаков, которые хотят прислать ко мне депутацию с просьбою позволить им отомстить за оскорбления, которые наносит им король Польский».

В то же время Екатерина требовала от Кейзерлинга, чтобы он сдерживал рьяность партии Чарторыхских. Так, 4 июля она писала: «Я вижу, что наши друзья очень разгорячились и готовы на конфедерацию; но я не вижу, к чему приведет конфедерация при жизни короля Польского? Говорю вам сущую правду: мои сундуки пусты и останутся пусты до тех пор, пока я не приведу в порядок финансов, чего в одну минуту сделать нельзя; моя армия не может выступить в поход в этом году; и потому я вам рекомендую сдерживать наших друзей, а главное, чтобы они не вооружались, не спросясь со мною; я не хочу быть увлечена далее того, сколько требует польза моих дел».

Французское правительство во времена Людовика XV смотрело на Польшу чуть ли не как на свою провинцию и считало своим долгом постоянно вмешиваться в ее дела. Однако сейчас французские дипломаты оказались в замешательстве и не знали, что им делать. Дело дошло до того, что «секретный» посланник Людовика XV Энненом несколько раз тайно встречался в Варшаве со Станиславом Понятовским. Энненом предложил Станиславу сделку: в случае, ес-

ли на конвокационном⁹ сейме получит перевес кандидат от Чарторыхских, то «французская партия» поддержит его, если же перевес получит французский кандидат, то Чарторыхские обязывались сделать то же самое.

1 февраля 1763 г. в Петербург поступили сведения об ухудшении здоровья Августа III. Через два дня по указанию царицы был созван совет с участием канцлера М. И. Воронцова, вице-канцлера А. М. Голицына, Н. И. Панина, А. П. Бестужева-Рюмина и М. Н. Волконского. Престарелый граф Бестужев-Рюмин попытался агитировать за сына Августа III Карла, но большинство членов совета, а главное, сама Екатерина, были за избрание в короли Пяста. Совет постановил сосредоточить тридцать тысяч солдат на границе с Речью Посполитой, а еще пятьдесят тысяч держать наготове.

5 октября 1763 г. наконец-то умер король Август III. «Не смейтесь мне, что я со стула вскочила, как получила известие о смерти короля Польского; король Прусский из-за стола вскочил, как услышал», – писала Екатерина Панину.

Гетман Браницкий привел в боевую готовность коронное (польское) войско, к которому присоединились саксонские отряды. В ответ Чарторыхские обратились прямо к императрице с просьбой прислать им на помощь две тысячи человек конницы и два полка пехоты.

К тому времени в Польше имелись лишь небольшие отряды русских (полторы-две тысячи человек), охранявшие ма-

⁹ Конвокационный сейм определял процедуру избрания короля.

газины (склады), оставшиеся после Семилетней войны. Эти силы было решено собрать и двинуть к резиденции коронного гетмана в Белостоке. Русский посол в Польше князь Н. В. Репнин писал графу Н. И. Панину: «Правда, что этого войска мало, но для Польши довольно; я уверен, что пять или шесть тысяч поляков не только не могут осилить отряд Хомутова, но и подумать о том не осмелятся».

В начале апреля 1763 г. в Польшу были введены новые части. Первая колонна под командованием князя М. Н. Волконского двигалась через Минск, а вторая, под командованием князя М. И. Дашкова (мужа знаменитой Екатерины Дашковой), шла через Гродно.

В конце апреля 1763 г. в Варшаву на конвокационный сейм начали съезжаться сенаторы, депутаты и паны. Так, князь Карл Радзивилл¹⁰, воевода виленский, привел с собой трехтысячную частную армию. Привели частную армию и Чарторыские, недалеко от нее расположились и русские войска (в Уязове и на Солце).

Сейм открылся 26 апреля (7 мая) 1763 г. Варшава в этот день представляла собой город, занятый двумя враждебными войсками, готовыми к бою. Партия Чарторыских явилась на сейм, но их противников не было: они с раннего утра совещались у гетмана и наконец подписали протест против нару-

¹⁰ Карл (Кароль) Станислав Радзивилл (1735–1790), прозванный по его любимому при словью «Пане-Коханку». В 1768 г. примкнул к Барской конфедерации. После сдачи Несвижа эмигрировал за границу, но потом вернулся и был прощен Екатериной II.

шения народного права появлением русских войск. Хотели сорвать сейм – не удалось, требовали составить немедленно тут же в Варшаве конфедерацию, но Браницкий струсил. Он заявил, что не чувствует себя в безопасности в Варшаве, и выступил из города, чтобы составить конфедерацию в более удобном месте, но время тратилось без толку, а между тем следом за гетманом шел русский отряд Дашкова, перешедший из Литвы в Польшу. В 30 верстах от Варшавы произошла стычка между отрядом Дашкова и гетманским арьергардом.

31 марта (11 апреля) 1764 г. в Петербурге были подписаны русско-пруссский оборонительный трактат и секретная конвенция относительно Польши. В соответствии с третьим артикулом трактата Пруссия обязывалась выплачивать России ежегодные субсидии в 400 тысяч рублей в случае ее войны с Турцией или Крымом. Екатерина и Фридрих договорились избрать королем Станислава Понятовского, что и было зафиксировано в конвенции. Стороны договорились сохранять «вплоть до применения оружия» действующие «конституцию и фундаментальные законы» Польши, совместно выступили за возвращение диссидентам «привилегий, вольностей и преимуществ, которыми они ранее владели и пользовались как в делах религиозных, так и гражданских».

Замыслам Екатерины и Фридриха способствовала и смерть 6 декабря 1763 г. сына короля Августа III Карла Августа. Младшему же сыну покойного короля Фридриху Ав-

густу исполнилось только 13 лет, и избрание королем его было маловероятно. Главным противником Станислава Понятовского мог стать только гетман Браницкий.

В июне 1764 г. закончился конвокационный сейм. На нем была создана польская генеральная конфедерация, которая соединилась с литовской. Маршалком коронной конфедерации избрали князя Чарторыского, воеводу русского. Сейм постановил при королевских выборах не допускать иностранных кандидатов, выбран мог быть только польский шляхтич по отцу и матери, исповедующий римско-католическую веру.

Чарторыские достигали своей цели русскими деньгами и русскими войсками, а в благодарность за это сейм признал императорский титул русской государыни. В акт конфедерации была внесена публичная благодарность русской императрице, и с выражением этой благодарности в Петербург должен был отправиться писарь коронный граф Ржевуский. А между тем русские войска должны были окончательно очистить Польшу от врагов Фамилии.

С 5 (16) по 15 (26) августа 1764 г. тихо прошел избирательный (элекционный) сейм. Граф Понятовский был единогласно избран королем под именем Станислав Август IV. Паны этим были крайне удивлены и говорили, что такого спокойного избрания никогда не бывало. В Петербурге тоже сильно обрадовались, Екатерина писала Панину: «Поздравляю вас с королем, которого мы сделали».

В сентябре Репнин приступил к выплате гонимых. Королю Стасю он выдал 1200 червонцев, но тут вмешалась Екатерина и прислала еще 100 тысяч червонцев. Август-Александр Чарторыйский получил от Репнина 3 тысячи червонцев. Примаду Польши обещали 80 тысяч, но пока выдали лишь 17 тысяч. Персонам помельче и давали соответственно. Так, шляхтич Огинский получил на содержание своей частной армии всего только 300 червонцев.

Чтобы иметь повод для постоянного вмешательства в польские дела, Екатерина II и Фридрих II решили взять под защиту польских диссидентов. Через 200 лет этот прием используют США и страны Западной Европы для вмешательства во внутренние дела СССР. Но если в СССР шла речь о политических диссидентах, то в Польше имелись лишь религиозные диссиденты – православные и протестанты. Причем православными были белорусы и украинцы, и протестантами – в основном немцы.

В Польше гонения на православных и протестантов продолжались уже много веков. И в чем-то знаменательно, что в 1653 г. посол царя Алексея Михайловича князь Борис Александрович Репнин потребовал от польского правительства, чтобы «православным русским людям вперед в вере неволи не было, и жить им в прежних вольностях». Польское правительство не согласилось на это требование, и следствием этого стало отделение Малороссии. Через сто с небольшим лет посол императрицы, его праправнук Николай Василье-

вич Репнин предъявил те же требования, получил отказ, и следствием этого стал первый раздел Польши.

Для начала Репнин решил действовать в диссидентском вопросе чисто польским методом – создать диссидентскую конфедерацию. Но вскоре выяснилось, что православной шляхты в Речи Посполитой «кот наплакал» (увы, русские князья и дворяне Белой и Малой Руси в большинстве своем приняли католицизм еще в XVII веке). В результате православную конфедерацию, созданную 20 марта 1767 г. в Слуцке, возглавил кальвинист генерал-майор Я. Грабовский. В тот же день в Торне была создана протестантская конфедерация под руководством маршала Генриха фон Гольца.

23 сентября 1767 г. в Варшаве начался внеочередной сейм, который должен был хотя бы частично уравнивать в правах католиков и диссидентов. Репнину удалось склонить короля Станислава к позитивному решению вопроса. Русские войска, не покидавшие Польшу со времени избрания Станислава, были стянуты к Варшаве.

Тем не менее предложение Репнина о диссидентах натолкнулось в сейме на жесткую оппозицию. Наиболее рьяно выступали краковский епископ К. Солтык и шведский епископ Ю. Залусский, а также краковский воевода В. Ржевуский. Репнин решил вопрос весьма радикально: в ночь на 3 октября все трое упрямцев были арестованы русским полковником Игельстреном и отправлены в... Калугу. В имения других оппозиционеров были направлены русские отряды.

В итоге 21 февраля 1768 г. сейм утвердил предоставление православным и протестантам свободы совести и богослужения, избавление их от юрисдикции католических судов, частичное уравнивание в гражданских правах представителей всех конфессий. Разумеется, о полном равенстве конфессий речи не было. Католицизм по-прежнему считался государственной религией. Переход из католичества в другую веру считался уголовным преступлением и т. д.

Недовольные паны собрались в начале 1768 г. в городке Баре в 60 верстах к западу от Винницы и создали там конфедерацию. Они выступали против решения сейма о диссидентах. Во главе конфедерации стали подкормий Рязанский Каменский и известный адвокат Иосиф Пулавский.

Польские паны попытались пополнить ряды своих войск за счет казаков Правобережной Украины. Однако в подавляющем большинстве казаки попросту разбежались. Борьба казаков против поляков не прекращалась со времен Богдана Хмельницкого, то разгораясь, то затихая. Повстанцев на Правобережной Украине называли гайдамаками (от турецкого слова «разбойник»). Восстания гайдамаков всегда приобретали наибольший размах во времена войн и смут в Речи Посполитой.

Весной 1768 г. барские конфедераты посадили на кол нескольких казаков в местечке Смилянщина. Среди казненных оказался и племянник матренинского игумена Мелхиседека – эконома переяславского архиерея. Разгневанный игу-

мен решил отомстить, но вместо сабли взялся за перо и очень ловко подделал указ Екатерины II. Полный титул императрицы был написан золотыми буквами, имелась государственная печать и т. д. В указе содержался призыв защищать веру православную и бить нещадно польских панов.

Этот указ Мелхиседек показал нескольким запорожским казакам, прибывшим на богомолье в Переяслав¹¹. Старший среди запорожцев Максим Железняк отвечал игумену, что с несколькими десятками запорожцев он не может начать этого дела. Тогда игумен сказал ему: «А вот недалеко, при рогатках, много беглых казаков, которые убежали от войск конфедерации, потому что поляки хотели их всех истребить. Уговорись с этими казаками, и ступайте в Польшу, режьте ляхов и жидов; все крестьяне и казаки будут за вас».

На следующее утро восемьдесят запорожцев во главе с Железником форсировали Днепр и пошли гулять по Правобережью. Как писал С. М. Соловьев, они «поднимали крестьян и казаков, истребляя ляхов и жидов. На деревьях висели вместе: поляк, жид и собака – с надписью: “Лях, жид, собака – вера однака”»¹².

Повсеместно украинские крестьяне, не дожидаясь гайдамаков, резали поляков и евреев, вооружались и шли к Умани. Железняк объявил себя воеводой киевским, а Гонта –

¹¹ Переяслав находился на территории Российской империи на левом берегу Днепра.

¹² Соловьев С. М. Сочинения. Книга XVI. 1995. С. 455–456.

брацлавским.

Независимо от гайдамаков войну с конфедератами вели и русские регулярные войска. Формально они выполняли просьбу польского сената, который 27 марта 1768 г. просил Екатерину II «обратить войска, находившиеся в Польше, на укрощение мятежников».

Подполковник Ливен с одним батальоном пехоты занял Люблин, конфедераты бежали без боя. Полковник Бурман взял Гнезно. Главным начальником войск, действовавших против Барской конфедерации, был назначен генерал-майор М. Н. Кречетников. Вскоре он взял Бердичев, генерал-майор Подгоричани разбил сильный отряд конфедератов, шедший на помощь Бердичеву, генерал-майор граф Петр Апраксин взял Бар штурмом, генерал-майор князь Прозоровский побил конфедератов у Брод.

Честно говоря, ратные подвиги не мешали нашим отцам-командирам грабить. Посол Репнин отправил в Петербург полковника Кара, чтобы тот рассказал «о мерзком поведении» Кречетникова. В письме Репнина говорилось: «Корыстолюбие и нажиток его так явны, что несколько обозов с награбленным в Россию, сказывают, отправил и еще готовыми имеет к отправлению. Все поляки и русские даже в его передней незатворенным ртом его вором называют».

Вот этому генералу Кречетникову императрица и поручила подавить бунт гайдамаков, поскольку конфедераты в панике бежали от казаков. Вечером 6 июня 1768 г. Кречетни-

ков пригласил к себе на ужин ни о чем не подозревавших Железняка, Гонту и других атаманов и тут же арестовал их. Русские солдаты напали на оставшихся гайдамаков и перехватили большинство из них.

Железняка как русского подданного «варвары московиты» отправили в Сибирь, а Гонту и 800 гайдамаков, родившихся на Правобережье, передали полякам. Просвещенные паны подвергли Гонту квалифицированной казни, которая длилась несколько дней. Там было и снятие кожи, и четвертование, и т. д., что представляет большой интерес для психиатров, занимающихся проблемами садизма, нежели для историков.

Восстание гайдамаков было подавлено, но оно имело неожиданные последствия. Отряд гайдамаков под началом сотника Шило захватил местечко Балта на турецко-польской границе. Границей была мелкая речка Кодыма, которая отделяла Балту от турецкой деревни Галта. Шило погостил 4 дня в Балте, вырезал всех поляков и евреев и отправился во свояси. Однако евреи и турки из Галты ворвались в Балту и в отместку начали громить православное население. Услышав об этом, Шило вернулся и начал громить Галту. После двухдневной разборки турки и гайдамаки помирились и даже договорились вернуть все, что казаки награбили в Галте, а турки – в Балте. И самое интересное, что большую часть вернули. Все это могло остаться забавным историческим анекдотом, если бы турецкое правительство не объявило бы гай-

дамаков регулярными русскими войсками и не потребовало бы очистить от русских войск Подолию, где они воевали с конфедератами.

Инцидент в Балте послужил поводом для Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. С началом войны для защиты от вторжения турок со стороны Молдавии русское командование решило занять две южные польские крепости – Замостье и Каменец-Подольский. Замостье находилось в частном владении у графа А. Замойского, который был женат на сестре короля. Поэтому Репнин частным образом обратился к брату короля обер-камергеру Понятовскому, не может ли король написать партикулярно своему родственнику, чтобы тот не препятствовал русским войскам в занятии Замостья. Но король, вместо того чтобы ответить частным же образом, собрал министров и объявил им, что русские хотят занять Замостье. В результате Репнину была послана нота, что министерство его величества и республики постановило просить не занимать Замостья.

Репнин эту ноту не принял, заявив, что он не требовал ничего относительно этой крепости, а великому канцлеру коронному Млодзеевскому заметил, что русские войска призваны польским правительством для успокоения страны, так на каком же основании тогда они не получают тех же выгод, что и польские войска? Когда же Репнин попенял королю, зачем тот не сделал различия между поступком «конфедентной откровенности» и «министерияльным», то Стани-

слав-Август сказал прямо: «Не сделай я так, ведь вы бы заняли Замостье». Репнин ответил также прямо, что занятие Замостья необходимо для безопасности Варшавы в случае татарского набега и что таким поступком король не удержит его от занятия крепости: «Я ее займу, хотя бы и с огнем».

Многие знатные паны, не вошедшие в Барскую конфедерацию и формально лояльные королю и России, заняли выжидательную позицию по отношению к Русско-турецкой войне. Нравится кому или не нравится, но назовем кошку кошкой: польские вельможные паны уже 300 лет в отношениях с Россией надеются не на свои возможности, на «чужого дядю». В 1768 г. они надеялись на Людовика XV, султана и крымского хана, позже – на Людовика XVI, в 1812 г. – на Наполеона I, в 1863 г. – на Пальместрона и Наполеона III, в 1920 г. – на тетушку Антанту, в 1939 г. – на Англию и Францию, и, наконец, в 2005 г. – на НАТО.

В декабре 1768 г. в королевском Совете враждебные России голоса взяли верх: коронный маршал князь Любомирский и граф Замойский от своего имени и от имени Чарторыских предложили, что коронное войско, назначенное под командованием Браницкого действовать против конфедератов, необходимо немедленно распустить по квартирам. В противном случае русские используют его против турок, из чего султан может заключить, что Польша заодно с Россией против Турции.

Любомирский с товарищами решительно выступили про-

тив последнего сенатского Совета, на котором решено было просить у России помощи против конфедератов. Браницкий был против роспуска коронного войска, говорил, что это вызовет недовольство в народе и возбудит подозрения у Екатерины II. Но Замойский продолжал настаивать на роспуске войска и требовал, чтобы отныне «не давать России явных отказов, но постоянно находить невозможности в исполнении ее требований, льстить, но ничего не делать. Королю несколько не вмешиваться в настоящие волнения, нейти против нации, не вооружаться и против турок, но выжидать, какой оборот примут дела».

Король во время этих споров молчал и лишь в конце Совета согласился с мнением Браницкого.

Королевский Совет решил не распускать коронное войско. Позволено было требовать русской помощи и согласовывать свои действия с русскими войсками только в операциях против бунтующих крестьян и казаков, «но вместе с русскими нигде не быть, не показывать, что польское правительство заодно с русскими».

В июне 1769 г. в Стамбуле представители польских конфедератов и великий визир Мухаммед Эмин-паша заключили союзный договор о войне с Россией. Согласно ему Речь Посполитая после победы должна была передать Османской империи не только Подолию, отошедшую от турок в 1699 г., но и Киевское воеводство (!).

Глава 3. Султан Мустафа объявляет джихад

Екатерина всеми силами пыталась оттянуть войну с Османской империей, чтобы стабилизировать ситуацию с Польшей и закончить реорганизацию своей армии и флота. Императрица запретила своим дипломатам поднимать вопрос о русском судоходстве, торговом, разумеется, на Черном море. Дело в том, что по условиям Белградского мира 1739 г. Россия не имела права содержать ни военный, ни торговый флот на Черном и Азовском морях. Правда, Белградский мир предусматривал торговлю России в Турции на общих основаниях с купцами других стран и с выплатой обычных пошлин. Но доставка товаров морем допускалась только на турецких судах: «Что же касается до российской коммерции по Черному морю, и сия отправлена быть имеет на судах, турецким подданным подлежащих».

В то же время с начала 30-х гг. XVIII века происходила интенсивная колонизация южных земель, в том числе по берегам рек Орель и Северный Донец. К 1745 г. здесь поселили примерно 45 тысяч душ мужского пола, в том числе 10 тысяч запорожцев. В 1750-х гг. здесь начинают селить выходцев с Балканского полуострова, уже в 1751 г. появляется Новая Сербия, а в 1753 г. – Славяно-Сербия. А с 1764 г. Екатерина II начинает селить в этих местах немцев-колонистов.

Очень скоро встал вопрос не только о защите поселенцев от татарских нападений, но и о сбыте через Черное море продукции хозяйств. К южному морю проще было везти свою продукцию и помещикам Украины. В ответах на анкету «Вольного экономического общества» они писали, что нужен морской порт, «куда оной (хлеб) с прибылью отпускать, потому что в близости сих стран никакого порта нет».

Русские дворяне и купцы неоднократно предпринимали попытки перевозить свои товары на турецких судах. Однако фрахт турецких судов был дорог, сами суда ненадежны, да и турецкие власти в Стамбуле чинили различные препоны перевозкам русских товаров через Проливы. Таким образом, турецкие власти фактически ввели торговую блокаду России.

Характерен демарш турок против строительства крепости Св. Димитрия. Тут проблема была буквально «высосана из пальца». В 1730 г. на реке Дон вблизи впадения в него реки Васильевки была построена крепость, названная в честь Анны Иоанновны крепостью Св. Анны. Однако место было выбрано неудачно, слишком далеко (примерно в 700 м) от Дона. Местность вокруг нее весной затоплялась, что сказывалось на здоровье гарнизона. Поэтому в конце 50-х г. XVIII века было принято решение крепость Св. Анны упразднить, а взамен рядом, у впадения реки Темерник в Дон, возвести новую крепость Св. Дмитрия Ростовского. И в 1761 г., то есть при Петре III, оная крепость и была заложена. Кстати,

сейчас на ее месте находится центр современного города Ростова-на-Дону.

И вот с началом польских событий турки потребовали разрушить крепость Св. Дмитрия Ростовского. В ответ Екатерина II отправляет своему послу Алексею Михайловичу Обрескову в Стамбул 70 тысяч рублей на подкуп турецких сановников¹³. В конце концов Екатерина пошла на уступки и отдала приказ прекратить строительство крепости.

Но в польском вопросе Екатерина уступить не могла. Турки буквально осыпались золотым дождем. Дело дошло до того, что Обресков без санкции Петербурга пообещал великому визирю, что русские войска будут выведены из Речи Посполитой сразу «по окончании диссидентского дела», то есть покончив с Барской конфедерацией.

Посол в Варшаве Н. В. Репнин пришел в ужас от такого демарша. В письме к Панину он назвал заявление Обрескова «робкой уступчивостью»: выдавать подобные авансы можно, «только проигравши несколько сражений».

Тем не менее заявление Обрескова возымело свое действие. Рейс-эффенди¹⁴, получивший солидную взятку, заявил, что Порта помогать конфедератам не собирается и, будучи оставлены, те разбегутся, а российским войскам делать будет нечего.

А между тем великий визирь и султан буквально засы-

¹³ Правда, часть денег ушла на замятие вопросов по Польше.

¹⁴ Рейс-эффенди – министр иностранных дел в Османской империи.

пáлись письмами от польских магнатов – киевского воеводы Потоцкого, епископа Солтыка, епископа Красинского и др. В письмах говорилось о притеснениях Польского королевства от русских войск. Католические епископы, не стесняясь, писали, что «после Бога Польша не имеет другой надежды получить помощь, как от Порты, на нее прямые сыны отечества возлагают все свое упование и надеются найти безопасное убежище в близости границ турецких. Покорнейше умоляют они Порту приказать крымскому хану и другим пограничным начальникам подать притесненным руку помощи»¹⁵.

Турция стала усиленно готовиться к войне. Так, султан Мустафа III (годы правления 1757–1774) приказал хотинскому паше увеличить гарнизон крепости до 10 тысяч человек.

Поводом для разрыва с Россией для турок стал инцидент в Балте. Ко времени налета гайдамаков местным правителем был некий Якуба, в свое время бывший осведомителем русского правительства. Но теперь его перекупил известный французский разведчик барон Тодт, который выполнял обязанности французского консула при дворе Гиреев. Именно Тодт составил депешу, которую Якуба отправил в Бахчисарай и Стамбул.

Но русская разведка не дремала и оперативно добыла письма и шифр Тодта к французскому министру иностранных дел Шуазелю. 11 августа 1768 г. граф Панин отправил

¹⁵ Соловьев С. М. Сочинения. Книга XIV. С. 207.

из Петербурга в Константинополь Обрескову письмо: «Мы нашли способ не только получить копии с нескольких писем французского в Крыму эмиссара Тота к статскому секретарю дюку Шоазелю, но и разобрать еще шифры взаимной их корреспонденции; я прилагаю здесь одну с самой последней депеши, по содержанию которой уверитесь ваше превосходительство, что она есть подлинная».

Но было уже поздно. 14 сентября 1768 г. султан сменил рейсэффенди. 25 сентября Обресков был позван на аудиенцию к новому визирю. Приемная визиря была наполнена множеством людей разных чинов, и когда Обресков начал приветственную речь, визирь оборвал его словами: «Вот до чего ты довел дело!», и начал читать бумагу, дрожа от злости. В бумаге говорилось: «Польша долженствовала быть вольною державою, но она угнетена войском, жители ее сильно изнуряются и бесчеловечно умерщвляются. На Днестре потоплены барки, принадлежащие подданным Порты. Балта и Дубоссары разграблены, и в них множество турок побито. Киевский губернатор вместо удовлетворения гордо отвечал хану, что все сделано гайдамаками, тогда как подлинно известно, что все сделано русскими подданными. Ты уверил, что войска из Польши будут выведены, но они и теперь там. Ты заявил, что их в Польше не более 7000 и без артиллерии, а теперь их там больше 20 000 и с пушками. Поэтому ты, изменник, отвечай в двух словах: обязываешься ли, что все войска из Польши выведутся, или хочешь видеть войну?»

Обресков ответил, что по окончании всех дел русские войска совершенно очистят Польшу, в чем он обязывается, и прусский посланник поручится. Визирь велел ему выйти в другую комнату. Через 2 часа к Обрескову вошел переводчик Порты и объявил: «Ты должен обязаться также, что русский двор отречется от гарантии всего постановленного на последнем сейме и от защиты диссидентов, оставит Польшу при совершенной ее вольности».

Обресков ответил, что об этом никогда и речи не было, и потому он не может знать мнение своего двора, но если Порте угодно, то пусть предъявит свои требования в письменном виде, он отошлет их к своему двору и немедленно сообщит Порте ответ. Переводчик пошел к визирю и возвратился с объявлением, чтобы Обресков дал сейчас же требуемое обязательство, иначе будет война. Обресков ответил, что дать такое обязательство не в его власти. В ответ по приказу визиря посол и 11 человек его свиты были арестованы, под улюлюканье толпы проведены через весь Стамбул и заключены в Семибашенный замок (тюрьму Еди Куллэ). Это был турецкий способ объявление войны.

Протесты английского и прусского послов об освобождении Обрескова турки оставили без последствий. Однако вскоре Обресков через английского посла наладил шифрованную переписку с Петербургом.

О реакции Екатерины на действия турок лучше всего говорит ее письмо в Москву графу П. С. Салтыкову: «Возвра-

тясь первого числа ноября из Царского Села, где я имела оспу, во время которой запрещено было производить дела, нашла я здесь полученное известие о заарестовании моего резидента Обрескова в Цареграде, каковой поступок не иначе мог принят быть как объявление войны. . . На начинающего Бог! Бог же видит, что не я зачала; не первый раз России побеждать врагов; опасных побеждала и не в таких обстоятельствах, как ныне находится».

В письме к послу в Англии графу И. Г. Чернышеву императрица выразилась еще более решительно: «Туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал; я сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память не скоро исчезла. Я нахожу, что мы освободились от большой тяжести, давящей воображение, когда развязались с мирным договором; надобно было тысячи задабриваний, сделок и пустых глупостей, чтобы не давать туркам кричать. Теперь я развязана, могу делать все, что мне позволяют средства, а у России, вы знаете, средства не маленькие».

Первым мероприятием Екатерины было формирование Государственного совета. 4 ноября 1768 г. состоялось первое заседание Совета в составе графа Кирилла Григорьевича Разумовского, генерал-аншефа князя Александра Михайловича Голицына, графа Никиты Ивановича Панина, графа Захара Григорьевича Чернышева, графа Петра Ивановича Панина, вице-канцлера князя Михаила Никитовича Волконского, графа Григория Григорьевича Орлова, князя Александра

Алексеевича Вяземского.

Императрица начала заседание словами: «По причине поведения турок, о чем граф Н. И. Панин изъяснит, я принуждена иметь войну с Портой, но иначе вас собрала для требования от вас рассуждения к формированию плана: 1) какой образ войны вести; 2) где быть сборному месту; 3) какие взять предосторожности в рассуждении прочих границ империи».

Когда императрица кончила, граф Панин стал читать изложение событий, приведших к войне: выходило, что Россия не упустила ни одного случая уничтожить все недоразумения мирным путем, что Порта – зачинщица войны. После Панина граф Чернышев прочел изложение войны России с Турцией при императрице Анне, в заключение он объявил, в каком состоянии находится теперь войско и в каких местах расположено.

На вопрос, какую вести войну, собрание единогласно объявило, что надо вести войну наступательную. Говорили, что надо бы предупредить неприятеля. Тут Орлов сделал неожиданное предложение: «Когда начинать войну, то надлежит иметь цель, на какой конец она приведена быть может, а ежели иначе, то не лучше ли изыскать другой способ к избежанию». Панин был, видимо, смущен этим предложением своего противника, тем более что Орлов, как хорошо знали, заявлял мнения императрицы, а если и свои, то с ее согласия. Панин отвечал не на вопрос. «Желательно, – сказал

он, – чтобы война могла кончиться скоро; к этому способ, собравши все силы, наступать на неприятеля и тем привести его в порабощение». Орлов заметил на это, что вдруг решительного дела сделать нельзя. «Надобно стараться, – отвечал Панин, – войско неприятельское изнурять и тем принудить, дабы оно такое же произвело действие в столице к миру, как оно требовало войны».

Положили разделить армию на три части: на корпус наступательный до 80 тысяч человек; оборонительный, или украинский, до 40 тысяч и обсервационный от 12 до 15 тысяч. В конце заседания Орлов предложил послать в виде вояжа в Средиземное море несколько судов и оттуда сделать диверсию неприятелю, но чтоб это было сделано с согласия английского двора. Это предложение было оставлено до будущего совещания.

На следующий день, 6 ноября, рассматривался вопрос о возможности вторжения турецких войск в Польшу на соединение с конфедератами, что было крайне важно в политическом и военном отношении. Для предотвращения этого было решено брать Хотин. В это заседание Екатерина уже сама предложила на обсуждение вопрос Орлова о цели войны в такой форме: «К какому концу вести войну и в случае наших авантажей какие выгоды за полезнее положить?» Отвечали, что при заключении мира необходимо выговорить свободу мореплавания на Черном море и для этого еще во время войны стараться об учреждении порта и крепости, а

со стороны Польши установить такие границы, которые бы никогда не нарушали спокойствие. На этом же заседании назначены были старшие генералы: для наступательного войска – князь Александр Михайлович Голицын, для оборонительного – граф Румянцев.

Начавшаяся война с Турцией вынудила Сенат объявить в 1768 г. еще один набор из расчета один человек на 300 душ со всех податных элементов и одновременно набор однодворцев для укомплектования ландмилицких полков. По последним двум наборам армия и флот получили 31 159 человек. Всего в 1768 г. было взято 50 747 человек, из них 3003 человека с однодворцев.

В 1769 г. Военная коллегия оказалась вынужденной увеличить заявку на комплектование войск в пехоту и кавалерию до 31 860 человек, в артиллерию – 5586 человек и на флот – 1136 человек. Указом 9 сентября 1769 г. норма призыва определялась в размере один человек на 150 душ, что давало общую численность рекрутов в 46 583 человека. Из этого числа в армию направлялось 45 084 человека (из них однодворцев 2001 человек) и на флот – 1499 человек. В годы войны число призываемых продолжало увеличиваться. Так, если в 1770 г. набор проводился из расчета один человек на 150 душ, что давало 49 583 человека, из них с однодворцев 3003 человека, то в 1771 г. был объявлен набор из расчета один человек на 100 душ и с однодворцев один человек со 121 души.

Объявляя войну России, султан и его окружение надеялись на ее быстрое окончание. Турецкое командование решило сосредоточить на границе с Польшей главную армию в 400 тысяч человек, к которой ожидалось присоединение армии польских конфедератов. Главный удар предполагалось нанести из района Хотина на Варшаву, а затем действовать двумя группами на Киев и Смоленск. Главной армии должны были содействовать 80-тысячная армия из Крыма, получившая задачу сковать русские войска, расположенные на Украине, и, наконец, отвлекающий удар предусматривалось нанести силами 50-тысячной армии через Северный Кавказ на Астрахань. В этих целях турецкое командование наметило высадить в районе Азова десант, который должен был действовать совместно с закубанскими татарами и горцами.

Турецкий план войны был достаточно обоснован. Турки могли поставить под ружье более солдат, чем любое государство Европы. Формально в случае войны каждый правоверный, способный носить оружие, должен был встать под знамена султана. Турецкий воин был храбр, вынослив, неприхотлив в походе. Большую часть турецкого войска составляло конное ополчение. Пехота в основном состояла из янычар. Турецкая пехота была хорошо подготовлена для возведения укреплений. За короткий промежуток времени турки укрепляли лагерь, пехотные позиции, артиллерийские огневые позиции, отрывали окопы. Укрепившись, они неохотно покидали свою позицию, ограничиваясь контратаками.

Турецкая армия имела многочисленную артиллерию. Недостатком ее была большая разнотипность и разнокалиберность. Значительная часть полевых пушек не имела колесных лафетов, а была установлена на станках, стрелявших с грунта. Такие орудия перевозились на повозках или на вьюках. Причем артиллерия вьючилась не только на лошадей, но и на верблюдов.

Турция имела большой военный и транспортный флот и могла легко высадить десант в любой точке побережья Черного и Азовского морей. Турецкие армия и флот опирались на систему мощных крепостей на Днестре и Днепро-Бугском лимане. В Крыму турки имели крепости Керчь и Кафу (с 1783 г. Феодосия).

Несмотря на объявление войны, боевых действий в 1768 г. не было.

Кампанию 1769 г. начал крымский хан Крым-Гирей (годы правления 1768–1769). 15 января 70 тысяч всадников перешли русскую границу и двинулись по Елизаветградской провинции. Далее хан собирался идти в Польшу, где его ожидали конфедераты. Несколько польских ксензов служили проводниками татар. Орда, подошедшая к Елизаветграду (с 1924 г. – Кировоград), была встречена огнем крепостных орудий. Крым-Гирей не решился штурмовать крепость, а распустил орду на мелкие отряды. Татарские отряды рассеялись по русской и польской территории. Опустошив значительную часть территории и захватив много пленных (толь-

ко под Елизаветградом увели свыше 1000 человек¹⁶), татары отошли за Днестр. Сам же хан отправился к султану, взяв с собой несколько десятков наиболее красивых пленниц.

Татарский отряд, действовавший независимо от основных сил Крым-Гирея, направился на восток и опустошил окрестности Бахмута, захватив свыше 800 человек¹⁷.

Первая армия под началом князя А. М. Голицына 15 апреля 1769 г. форсировала Днестр и двинулась к турецкой крепости Хотин.

Так началась Первая русско-турецкая война царствования Екатерины Великой. Объем и тематика книги не позволяют рассказать о действиях сухопутных войск на Днестре, Дунае и в Крыму¹⁸. Мы же перейдем к небывалому в истории событию – к походу русских эскадр в Средиземное море.

¹⁶ Практически все пленные были не военнопленными, а мирными жителями.

¹⁷ И эти пленные в подавляющем большинстве были мирными жителями.

¹⁸ Интересующихся я отправляю к моей книге «Тысячелетняя битва за Царьград».

Глава 4. Русская дипломатия в 1764–1769 гг.

После ареста Обрескова французский дипломат Эннен, действовавший в Польше, писал: «Доверие Дивана не изменилось, и Вержени, когда ему было дано разрешение ввести турок в игру, в войну, для которой подали повод польские дела, – выполнил полученные им приказы, не компрометируя себя, не беря на себя ручательства за события, которые оказались такими, как он их предвидел»¹⁹.

Кроме польской проблемы и давнего желания насолить России французское правительство руководствовалось и чисто материальными интересами. Ведь французские купцы играли ведущую роль в торговле с Портой. Так, только в 1783 г., по французским же данным, общий объем торговли всей Европы с Турцией составил 110 млн ливров, из которых 60 млн приходилось на Францию.

Французские купцы и дипломаты со времен Людовика XIV мечтали овладеть Египтом, находившимся в вассальной зависимости от Константинополя. По мнению Шуазеля и его окружения, Русско-турецкая война как раз и давала возможность Франции захватить Египет мирным путем.

¹⁹ *Тарле Е. В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. М. – Л.-д: Издательство Академии наук СССР, 1945. С. 9.

Война должна была истощить силы Турции и России, и турки в благодарность за помощь могли бы если не совсем передать Египет Людовику XV, то по крайней мере дать там большие привилегии французскому капиталу.

Приобрести Египет или сделать его финансово зависимым с 1763 г. стало и вопросом престижа Людовика XV. «В глазах версальского кабинета Египет был новым полем битвы против Англии; в случае занятия его нашими моряками или при организации прохождения через него наших караванов, Египет должен был компенсировать потерю Канады или, по крайней мере, открыть прямой путь в сорок восемь дней из Марселя в Бомбей», – писал Пэнго, биограф Шуазеля – Гуфье.

Франция имела большой и сильный флот. Она не только могла не пропустить русской эскадры на Средиземное море, но и направить свои корабли на Балтику и Черное море, что привело бы к непредсказуемым для России последствиям.

Однако в Петербурге помнили пословицу: «Враг моего врага – мой друг». Столь же хорошо помнила ее и Англия, которая уже много столетий была непримиримым врагом Франции. Только в XVIII веке между этими странами прошли три тяжелые войны: 1702–1714 гг., 1744–1748 гг. и 1756–1763 гг. Тем не менее эти войны не только не разрешили кардинальные противоречия между противниками, но и усугубили их. Назревала новая война, и она началась уже после окончания Русско-турецкой войны в 1778 г. и продол-

жалась до 1783 г. Затем после десятилетнего перерыва началась уже тотальная война, длившаяся с 1793 г. по 1815 г. с небольшими перерывами.

Англичане любили воевать чужими руками, и с большим удовольствием стравливали Россию с Людовиком XV. Кроме того, на внешнюю политику Лондона сильно влияла зависимость Англии от русской торговли. В 60 – 80-х гг. XVIII века в русские порты ежегодно прибывало от 600 до 700 английских торговых судов.

В итоге в ходе Первой турецкой войны 1768–1774 гг. Англия была достаточно надежным союзником России. Английские послы в Париже и Мадриде официально заявили, что «отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии».

Во время прохождения русских эскадр в 1769–1774 гг. мимо берегов Франции и Испании поблизости сосредотачивались значительные силы британского флота. Англия предоставила свои порты для базирования и ремонта русских кораблей. Причем не только в метрополии, но и в порту Мак-Маон на острове Менорка, отошедшем к Англии по Парижскому миру, заключенному 10 февраля 1763 г.

Весьма важным для России была и поставка многих сотен корабельных орудий калибра 6, 8, 12, 18, 24 и 30 фунтов с завода Каррон в Шотландии. Дело в том, что Россия в царствование Екатерины Великой по выплавке чугуна была на

первом месте в мире, обогнав даже Англию, но большинство орудий для флота отливали у нас на частных заводах – Баташева, Демидова и др. Орудия частных заводов давали очень большой процент брака. Некачественное изготовление орудий приводило к ухудшению их баллистических данных, а то и к разрыву пушек при стрельбе. Так, например, в ходе Русско-шведской войны 1788–1790 гг. потери личного состава на наших кораблях от разрыва собственных пушек часто превосходили потери от шведской артиллерии.

Орудия же шотландского изготовления (их называли карронскими) отличались высоким качеством. Кстати, многие из них оставались на вооружении к 1850 г. По образцу карронских пушек начали делать пушки и у нас, они получили название «образца 1786 г.».

В 1774 г. на заводе в Карроне английский инженер Гаскойн изобрел короткое легкое орудие, обладающее большой эффективностью на малых дистанциях боя (до полкилометра). По имени завода это орудие называли карронадой. Россия немедленно начала закупку в Шотландии карронад калибром от 24 до 96 фунтов. Мало того, адмирал Самуил Карлович Грейг, шотландец по происхождению, через родственников пригласил в Россию самого Гаскойна. Инженер прибыл в Россию почти со всеми машинами и другим оборудованием завода Каррон. Британские законы запрещали это, но ради союзника правительство посмотрело на проделку Гаскойна сквозь пальцы. Гаскойн немедленно был назначен директо-

ром орудийного завода в Петрозаводске, где он начал производство пушек обр. 1786 г. и карронад. Позже он же начал изготовление тех же орудий и на Луганском заводе.

Но вернемся к внешнеполитической ситуации 1768 г. Дания со времен Северной войны оставалась естественным союзником России против Швеции и, соответственно, была рада помочь по мере сил и возможностей русской эскадре пройти через Балтийские проливы.

В Средиземном море благожелательно к России относилось руководство Мальтийского ордена, смертельно ненавидевшее турок. Екатерина II послала туда послом маркиза Кавалькабо. Речь шла даже о совместном участии русского и мальтийского флотов в войне с турками. Однако позже из-за бестактного поведения маркиза на Мальте орден так и не вступил в войну с османами, но русский флот мог свободно базироваться на острове.

Русская эскадра могла не менее свободно базироваться на «вольный порт» Ливорно, формально принадлежавший герцогству Тосканскому.

Венецианская республика желала союза с Россией, но крайне боялась турок.

Любопытна инструкция, данная Екатериной II русским адмиралам, как вести себя со средиземноморскими пиратами: «Что же касается до африканских в Средиземном море корсаров, выходящих из Туниса, Алжира и других мест, то хотя и считаются они в турецком подданстве, однако же, тем

не меньше оставляйте их на пути в покое, и если только они сами вам пакостей делать не станут, и если опять не случится вам застать их в нападении на какое-либо христианское судно, ибо тут, не разбирая нации, которой бы оно ни было, имеете вы их бить и христиан от плена освобождать, позволяя и в прочем всем христианским судам протекцию нашу, поколику они ею от вас на проходе пользоваться могут»²⁰.

²⁰ Чичагов П. В. Записки. М.: Российский фонд культуры, студия «Тритэ» Никиты Михалкова, «Российский архив», 2002. С. 138.

Глава 5. «Подпалить османов с четырех концов»

Вступив на престол, Екатерина ни на секунду не сомневалась, что рано или поздно ей придется воевать с турками. Как мы уже знаем, она всеми силами пыталась оттянуть войну, но с первых дней своего царствования стала готовиться к войне с османами.

В исторической литературе давно идет спор о том, кто был автором плана нанесения удара по Турции со стороны Средиземного моря. Большинство авторов склонны приписывать эту идею Григорию Орлову. Я же считаю, что автором этого проекта была сама Екатерина, хотя и допускаю, что на это ее натолкнули англичане.

До Екатерины русские как военные, так и торговые суда не заплывали в Средиземное море. И вот в 1763 г. тульский купец Владимиров ни с того ни с сего организует акционерную компанию с капиталом в 90 тыс. рублей (!) для торговли со странами Средиземноморья. А новая царица, едва-едва сидящая на троне, вступает в число акционеров компании и дает ей 10 тыс. рублей. Мало того, 23 октября 1763 г. в Петербурге специально для похода на Средиземное море закладывается фрегат²¹ «Надежда Благополучия». Уже 4 июня

²¹ Фрегат – трехмачтовое парусное военное судно с полным парусным воору-

1764 г. фрегат был спущен на воду, а в августе вышел из Кронштадта под торговым (купеческим) флагом²² с грузом железа, полотна, канатов и т. д. Тем не менее экипаж состоял из военных чинов, фрегат нес полное артиллерийское вооружение – 34 пушки.

В декабре 1764 г. «Надежда Благополучия» прибыла в Ливорно. Товары были выгружены, а взамен принят груз сандалового дерева, свинца и макарон. 12 сентября 1765 г. фрегат благополучно вернулся в Кронштадт.

Больше «компаньоны» судов в средиземку не отправляли. Официальные источники умалчивают, какие убытки понесла компания в ходе этого похода. Понятно, что это была чисто разведывательная акция, а торговая компания служила крышей. Да и стоял фрегат в Ливорно около полугода, что просто разорительно для обыкновенного купца. По приходе «Надежды Благополучия» в Кронштадт выяснилось, что

жением. Нес от 30 до 60 пушек на нижнем деке и верхней палубе. Принципиальной разницы между большими фрегатами и малыми кораблями не было. В ряде флотов мира, включая русский, встречались и гребные фрегаты. Основным двигателем их был парус, но при необходимости использовались и весла. Огневая мощь и мореходность гребных фрегатов были заметно хуже, чем у обычных фрегатов. Гребные фрегаты предназначались в основном для огневой поддержки гребных судов в прибрежных водах.

²² Торговый флаг – это современный государственный флаг Российской Федерации. В царствование Александра III его сделали государственным флагом России. Изображения же на обложках школьных учебников гренадеров 1812 г., идущих в бой под трехцветным флагом, являются фальшивкой продажных историков. Триколор в вооруженных силах впервые был использован в белой армии в 1919 г., а затем немцами во власовской армии.

подводная часть наружной обшивки фрегата из досок дюймовой толщины была источена червями, и ее целиком пришлось сменить. Следовало учесть это на будущее, что и не преминули сделать, когда началась подготовка Архипелагской экспедиции («Архипелажной», как ее тогда называли).

Разведка на Средиземном море велась неспроста. Еще в 1736 г. русский посол в Константинополе Вешняков утверждал, что восстание балканских христиан и русская помощь им оружием – самый верный путь для победы над Турцией.

В 1763 г. по приказу императрицы Григорий Орлов отправил к «спартанскому» народу двух греков – Мануила Саро и артиллерийского офицера Папазули. Саро возвратился из своей поездки в мае 1765 г. и привез известие, что «спартанский народ христианского закона и греческого исповедания, и хотя живет в турецких владениях, но туркам не подчинен и их не боится, а даже воюет с ними. Живет в горах и в таких малодоступных местах, что турки и подступиться к нему не могут». Повсеместно как простые греки, так и их старшины выражали Саро и Папазули желание подняться против турок при первом появлении русских кораблей. Саро писал: «По моему усердию смею представить о том, чтоб отправить в Средиземное море против турок 10 российских военных кораблей и на них нагрузить пушек довольно число; завидевши их, греки бросились бы на соединение с русскими; у греков есть свои немалые суда, но их надобно снабдить пушками; сами же греки – народ смелый и храбрый».

С началом войны Екатерина смогла уже открыто обратиться к балканским христианам с призывами к восстанию. 19 января 1769 г. был обнародован «Манифест к славянским народам Балканского полуострова». Там говорилось: «Порта Оттоманская по обыкновенной злобе ко Православной Церкви нашей, видя старания, употребляемые за веру и закон наш, который мы тщилися в Польше привести в утвержденные трактатами древние его преимущества, кои по временам насильно у него похищены были, дыша мщением, презрев все права народные и самую истину, за то только одно, по свойственному ей вероломству, разруша заключенный с нашею империею вечный мир, начала несправедливейшую, ибо безо всякой законной причины, противу нас войну, и тем убедила и нас ныне употребить дарованное нам от Бога оружие...

Мы по ревности ко православному нашему христианскому закону и по сожалению к страждущим в Турецком порабощении единоверным нам народам, обитающим в помянутых выше сего областях, увещеваем всех их вообще и каждый особенно, полезными для них обстоятельствами настоящей войны воспользоваться ко свержению ига и ко приведению себя по-прежнему в независимость, ополчась где и когда будет удобно, против общего всего христианства врага, и стараясь возможный вред ему причинять».

Несколько аналогичных посланий было направлено и к грекам.

Что же происходило на самом деле на Балканах и в Греции, и достаточно было посланий Екатерины, чтобы запылал этот угол Оттоманской империи? Начну с полудетективной истории, случившейся в Черногории. Там объявился... русский император Петр III! Некий Степан Малый заявил, что он-де русский царь, «избежавший чудесным образом смерти по низложению своему с престола». 11 октября 1767 г. со Степаном встретился и беседовал полковник венецианской службы Марк Анатолий Бубич. Судя по его письменному отчету, беседа эта произвела на него огромное впечатление. Бубич писал: «Особа, о которой идет речь, отличается большим и возвышенным умом. Кто бы он ни был, его физиономия весьма схожа с физиономией русского императора Петра III».

А Степан Малый тем временем продолжал заявлять о себе черногорцам: последовательно, но весьма двусмысленно, с использованием разного рода иносказаний и притч.

Венецианские власти забеспокоились. Агитационная деятельность Степана могла не только осложнить их отношения с Оттоманской империей, но и вызвать подъем враждебных настроений в подвластной им «венецианской Албании». И Сенат издал приказ об аресте эмиссаров «Петра III» и тех, кто его укрывает. Но самого Степана трогать боялись, поскольку слухи о нем как о русском императоре уже широко распространились, и решительные меры, предпринятые против него, могли бы возбудить сопротивление.

В октябре 1767 г. в горном селе Ценличи проводилась сходка черногорских старшин, на которой Степан Малый был признан русским царем Петром III. В конце месяца в Цетинье собралась скупщина, в которой участвовало около 7 тысяч человек. На ней Степан был признан не только русским царем, но и «государем» Черногории, и 2 ноября Малому была вручена грамота об этом.

«Государь» обосновался в городке Маине. Из разных мест Черногории и других районов Балкан туда к Степану стекались не только славяне, но и албанцы, и греки, ненавидевшие турок. Прибыл туда и местный митрополит – престарелый Савва. Старцу, и так не пользовавшемуся большим авторитетом у населения, пришлось публично признать Степана Малого государем Черногории и Петром III. Однако Савва оказался не прост, и 12 октября 1767 г. направил письмо русскому послу в Константинополе А. М. Обрескову. Тот срочно направил письмо Саввы в Петербург с запросом, что делать, а сам 2 апреля 1768 г. послал Савве предварительный ответ, где выразил митрополиту «удивление о шалостях, чинимых в местах его ведомства», Степана Малого называл «плутом или врагом», а Савву обвинял в «лехкомыслии».

Савва организовал сходку руководителей черногорских общин, где начал изобличать самозванца. Однако Степан не стал оправдываться, а перешел в контратаку. Он публично обвинил митрополита в служении интересам Венеции, в спекуляциях землей и в расхищении ценностей, поступав-

ших в дар из России. Это был сильный удар. Не дав Савве опомниться, Степан сделал следующий шаг – он предложил тут же отобрать у Саввы имущество и разделить его между участниками сходки.

Новым и весьма авторитетным сторонником Степана в эти месяцы становится сербский патриарх Василий Бркич, изгнанный из своей резиденции в городе Печ после ликвидации турками самостоятельной сербской церкви. В марте 1768 г. Василий призвал все православное население почитать Степана как русского царя. По-видимому, для подкрепления этой версии Степан предпринял эффектный шаг – по случаю дня Петра и Павла, отмечаемых православной церковью 29 июля, он организовал торжественную церемонию в честь Петра Великого, а также цесаревича Павла Петровича как своего сына.

Летом 1768 г. Екатерина отправила в Черногорию советника русского посольства в Вене Г. А. Мерка с «увещательной грамотой» к тамошним жителям, чтобы не верили самозванцу. Мерк прислал донесение, датированное 9 августа, что ехать на Черную Гору, не подвергая себя смерти, никак не мог, ибо черногорцы необыкновенно привязаны к Малому. Екатерина написала на этом донесении: «Если б капитан гвардии был послан с грамотою к черногорцам, то бы письмо несумненно отдано было; но сей претонский политик возвратился с ней, не сделав, кроме преострые размышления».

Осенью 1768 г. турецкие отряды вторглись в Черногорию, а с севера напали венецианцы. Борьбу с турками возглавил Степан Малый, а с венецианцами – его сподвижник Танович.

В сражении 5 сентября у села Острог турки окружили отряд Малого и наголову разбили его. Сам Степан бежал и укрылся в одном из горных монастырей. Однако в конце сентября начались затяжные дожди, дороги размыло, на турок чуть ли не ежедневно нападали летучие отряды черногорцев. В результате турецкие войска были выведены из Черногории. Возможно, на это решение турецкого командования повлияло и начало войны с Россией.

12 августа 1769 г. на адриатическом берегу Черногории высадился генерал-майор Юрий Владимирович Долгоруков в сопровождении 26 человек конвоя. Ехал он инкогнито, под именем купца Барышникова. Долгоруков поднялся в горы, где был встречен духовенством у монастыря Брчели. Через несколько дней в Цетинье собралась скупщина. В присутствии двух тысяч черногорцев, старейшин и церковных властей Долгоруков обвинил Степана Малого в самозванстве, огласил манифест от 19 января 1769 г. и потребовал от присутствовавших принести присягу на верность Екатерине II, что и было сделано. Долгорукова поддержал сербский патриарх Василий, объявивший Степана Малого «возмутителем покоя и злодеем нации».

Все это происходило в отсутствие Степана Малого. Долгоруков первый раз увидел Малого, когда находился в мо-

настыре Брчели. Тот приехал к нему верхом с конвоем из нескольких черногорцев. Генерал писал: «Разговоры его, поступки и обращения заставили заключить о нем, что он в лице вздорного комедианта представлял ветреного или совсем сумасбродного бродягу. Росту он среднего, лицом бел и гладок, волосы светло-черные, кудрявые, зачесаны назад, лет тридцати пяти, одет в шелковое белой тафты платье, длинное по примеру греческого, на голове скуфья красного сукна, с левого плеча лежит тонкая позолоченная цепь, а на ней под правую руку висит икона в шитом футляре величиною с русский рубль... Разговоры имел темные и ветреные, из которых, кроме пустоши, ничего заключить невозможно, хотя черногорцы и почитают его за пророческое красноречие со страхом и покорностию».

Долгоруков приказал арестовать Малого, но вскоре понял, что без Степана порядка в Черногории не будет, и был вынужден отпустить его. Мало того, Долгоруков распорядился доставить Малому боеприпасы, взял с него клятву в верности России и надел на него мундир русского офицера.

Помимо внутричерногорских проблем Долгоруков занимался вербовкой матросов для вооружения корсарских кораблей, которые должны были снаряжаться в Ливорно. Долгоруков платил им по 15 солидов в день, не считая пропитания. В Черногорию бежало много дезертиров из венецианских войск, но Долгоруков брал на службу только славян и греков, а этническим итальянцам отказывал.

Долгоруков хвалился скорым прибытием русской эскадры, но советовал подданным Порты жить спокойно и платить дань, дожидаясь удобного момента для восстания.

24 октября 1769 г. Долгоруков покинул Черногорию, официально передав всю власть Степану Малому. Как утверждали очевидцы, на прощание генерал и «император» заключили друг друга в объятия.

Теперь Степан Малый стал полновластным правителем Черногории. Однако осенью 1770 г. при прокладке горной дороги Степан получил тяжелое ранение из-за преждевременного взрыва пороха, заложенного под скалой. Он потерял зрение, но продолжал руководить страной из монастыря в Брчели, куда его отправили на лечение.

Деятельность Степана Малого вызвала ненависть турок, но воевать с Черногорией у них не хватало сил. Тогда скадарский паша подослал к Степану наемного убийцу – грека Станко Киасомунья. Осенью 1773 г. Станко зарезал ножом Степана Малого.

Любопытно, что до сих пор историкам так и не удалось достоверно установить личность Степана Малого – императора Петра III.

Довольно сложная ситуация сложилась к 1768 г. в Албании. К этому времени административная власть там фактически перешла в руки албанской знати и, подобно их имениям, переходила по наследству, вне зависимости от воли турок. Единой власти в Албании не было, ее делили несколько

знатных родов.

Самым сильным рычагом турок были налоги. Их взымали исключительно с христиан, а мусульмане не платили их вовсе. Причем в большей части Албании финансовый налог взимался с целой деревни, то есть чем больше людей принимали ислам, тем большую сумму приходилось платить оставшимся христианам. Поэтому к XVIII веку около половины албанцев стали мусульманами, а оставшиеся христиане поровну делились на католиков и православных. Основную массу католиков составляли жители североалбанских гор, почти недоступных для турецких властей, а православные христиане составляли большинство в Южной Албании.

Переход албанцев-христиан в мусульманство часто носил формальный характер. Поскольку фискальной и юридической единицей для турецких властей был дом, то первоначально лишь глава дома принимал мусульманство. Многие из новообращенных мусульман втайне оставались христианами, наряду с новым мусульманским именем сохраняли прежнее христианское. Вопреки проповедям фанатичного мусульманского духовенства мусульмане албанцы вместе с христианами праздновали Пасху и другие христианские праздники. Были не редкостью смешанные браки.

Именно разделением албанского населения на мусульман и христиан можно объяснить тот факт, что одна часть албанцев храбро дралась на стороне турок, а другая, наоборот, сражалась с ними на суше и на море. Так, еще в ок-

тябре 1759 г. правители южной горной православной области Химары обратились к императрице Елизавете Петровне с просьбой принять на русскую службу один или два химарских полка, служивших тогда Венеции и королю Обеих Сицилий, «дабы в случае с Оттоманской Портою разрыва возможную диверсию в соседственных с нами оттоманских областях, по примеру равных нам как в вере, так и правлении черногорцев, производить и делать могли». По расчетам химариотов, в подобной «диверсии» могли бы участвовать до 20 тысяч их солдат.

В феврале 1760 г. депутаты Химары архимандрит Анфимий Василико и капитан венецианской службы Пано Бицилли тайно явились к русскому послу в Константинополе А. М. Обрескову и заявили о своем желании ехать в Петербург, чтобы лично представить императорскому двору обращение генерального совета Химары к Елизавете Петровне. Посол с трудом отговорил их от этого намерения.

Одновременно с православными горцами Южной Албании албанцы-католики с севера тоже дали знать русскому правительству, что в случае начала русско-турецкой войны они «неприятелю знатную диверсию в состоянии учинить». Это предложение содержалось в петиции, поданной императору Петру III прибывшим в Петербург членом видной католической семьи Шкорды Яковом Суммой. Он предлагал сформировать из албанцев гусарский полк для службы в России, и еще отправить в Россию для обучения некото-

рое число албанских юношей из знатных семей. Под петицией стояла подпись: «От всего албанского общества депутат» Сумма. Но, как и в случае с химариотами, русское правительство не посчитало целесообразным принять это предложение в мирное время, чтобы не скомпрометировать себя перед Портой. И эта осторожность в отношениях с балканскими народами доминировала в русской политике вплоть до вступления на престол Екатерины II.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.